

Бригадир Юрий

НЕ ЖИТЬ

Москва
«АСТ»
Санкт-Петербург
«Астрель-СПб»

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6
Б87

Серия «Больно.ру»

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Бригадир, Ю.
Б87 Не жить: Роман / Ю. Бригадир.— М.: АСТ; СПб.:
Астрель-СПб, 2009.— 246 с. (Больно.ру)

ISBN 0-00-000000-0 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-9725-1617-9 (ООО «Астрель-СПб»)

24 часа на принятие решения: не жить самому или дать умереть другому. Это не месть. Это не шантаж. Времени ответить на вопрос *зачем?* нет. Нужно просто решить, чье сердце перестанет биться.

Новым романом «Не жить» Бригадир подтверждает свое творческое кредо «не повторяться в стиле и жанре». В «Не жить» — классическое противостояние маньяка и жертвы, на первый взгляд, относит книгу к разряду психологических триллеров западного образца, но нешаблонный финал выводит за рамки привычных категорий и дает определенный ответ на гамлетовский вопрос.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Подписано в печать с готовых диапозитивов.
Формат 84 × 90 1/32. Усл. печ. л. 11,2
Тираж   Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры
Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.009937.09.08 от 15.09.2008 г.

© Ю. Бригадир, 2009
© ООО «Астрель-СПб», 2009

Как забыл сказать Екклезиаст,
есть время жрать
и время быть сожранным.

Уильям Гибсон. Нейромант

0

Анекдот.

Плевали как-то с крыши на головы прохожим две девочки – хорошая и плохая. Хорошая попала пять раз, а плохая всего три. Вот так добро победило зло...

А недавно дал знакомому DVD. За неимением времени попросил его хотя бы мельком просмотреть боевик, о котором гундосили на каждом углу. Ну вроде как – глянь и скажи, стоит ли тратить на эту кровавую драму полтора часа драгоценной жизни. Молниеносное резюме наутро меня обескуражило:

– Ну, это... короче, там добро победило добро.

– А зло?

– Зла там не было...

Вот и доверяй после этого людям смотреть трагедь, где в общей сложности было убито (не считая подтанцовки, конечно) человек десять. Причем эти десять умерли очень эффектно и вроде как спасая мир. Сотни две из подтанцовки умерли вообще бездарно, зато дружно.

Как-то в последнее время переплелись все понятия, а равно и значения со смыслами.

Причем основные. Про оттенки я не заикаюсь, ибо их никто не разбирает, кроме Тик-курилы.

Как-то в последнее время потерялось собственное мнение. То есть оно вроде есть, а пользоваться им неприятно, опасно и бессмысленно. Кого интересует твой визг из-под паровоза?

Куда-то в последнее время потерялось лицо. Но есть маска. Она очень хорошо подогнана и даже не жмет. Еще бы она жала... Рекомендации лучших собаководов! То есть, это... косметологов и стилистов...

Это, иначе говоря, имидж. Странная оболочка любого социального существа...

Красуемся, делаем покойным депиляцию, живым инъекции ботокса, а полумертвым — педикюр. Имидж — это понты, если забыть про набивший оскомину английский и называть вещь своим именем. Сплошь и рядом под имиджем ничего нет, как ни хрена нет под пленочкой яркого воздушного шарика... Нескольким граммам газа не в счет, потому как еще неизвестно, какая тварь туда чем дышала.

Или вот еще один фильм, сюжет которого я забыл начисто, но не волнуйтесь — вам он не понадобится. Там было много людей с несамовзводными револьверами, и большинство из них было застрелено из них же. Мне там запомнился всего один момент, когда не очень благородный мститель находит не очень благородного разбойника (кстати, разница между ними в нравственном, если так

можно сказать, аспекте отсутствует на-прочь) и, перед тем как убить его, долго и напыщенно произносит речь. Должен заметить, что не только у меня не хватило терпения — у разбойника тоже. Он вытащил все тот же несамовзводный револьвер и убил мстителя на месте. Вытащив сигару изо рта, негодяй по сценарию и молодец по моему глубокому убеждению сказал:

— Пришел стрелять — стреляй, а не говори!

Прошло много лет с первого просмотра того фильма, но я вспоминаю его снова и снова по одной причине — иногда я тоже долго и напыщенно говорю. Хотя надо стрелять... Имидж, показуха и балаган. Что вся эта микстура делает в моей крови?

А иногда я сильно напиваюсь. В говно.

Вообще-то я этого не люблю. То есть я люблю бухать, кирять и оттопыриваться. В любом из этих действий у меня нормальный, ожидаемый, я бы даже сказал предсказуемый, образ пьяницы. Он почти не противен ближнему, и он совершенно определенно не делает меня хуже.

Но когда я напиваюсь по-настоящему, этот образ исчезает напрочь. Маска слезает с лица ключьями, и под ней проявляется нечто. Я даже не могу сказать — что. Поскольку не помню. Свидетели утверждают, что я мастерски произношу обвинительные речи. В большинстве случаев я говорю правду, но она совершенно невыносима. Этой правды нет у меня у трезвого на уме. Совершенно

непонятно, откуда она у меня у пьяного на языке. Причем членораздельная речь — еще не самое убудочное, что у меня имеется. Еще у меня есть топор за пазухой и огромное число сумеречных фантазий. В них жизнь человеческая имеет даже не нулевую, а отрицательную стоимость.

Так что я, как и большинство народонаселения, хороший плохой. Или плохой хороший, кому как нравится.

А две вещи до сих пор время от времени сносят бессмертному Канту крышу. Одна из них будет существовать всегда... А с другой совершенно непонятная ситуация. Вот вы верите, что человеческая мораль просуществует еще хотя бы миллион лет, что для Вселенной все равно — крохи? Я — нет. И все-таки она есть — эта вещь. Нда.

Иногда я сильно влюбляюсь. До идиотизма.

Вообще-то мне это не очень нравится. То есть мне нравится флиртовать, гусарить и совокупляться. Телки тоже не против, но иногда получается странное склеивание аминокислот и совпадение шестеренок. Ощущение такое, как будто у тебя внутри бычий цепень, а ты при этом еще и рад. Вчера еще ты ходил весь в белом, залитый солнечным светом и осыпанный лепестками черемуховых цветов. От тебя пахло покоем и безмятежностью, и у тебя не было никаких планов на завтра. А сегодня все изменилось, да. И ты цитируешь какие-то позабытые строки: «Вы помните, вы все, конечно, помните...»

Тьфу... Калейдоскоп тупейших поступков, от любого из которых стало бы стыдно даже гаишнику.

Плохой хороший...

Иногда я сильно ненавижу. Смертельно.

Вообще-то я тоже этого не люблю. Ненависть состоит из одних сплошных минусов и не приносит никакой пользы. Если ты хочешь кому-то зла — этот человек умрет. Если тебе кто-то желает того же — умрешь ты. Рано или поздно мы все умрем. А кто-то из-за ненависти вообще не рождается. Так зачем ненавидеть? Просто когда тебя накрывает злоба, ты уже ничего не можешь сделать. Вчера еще ты молился, просил понимания, слушал ближнего. От тебя исходил свет. А сегодня тебе никакой свет не нужен. Зло сжигает тебя заживо, и тебе не надо никого понимать, потому что есть только одна правда — твоя. Благородная ярость, священная война. Мы все умрем, повторяю.

Хороший плохой... Когда я настоящий, в конце концов?

Последние лет двадцать я даже не задумывался решать проблему добра и зла. По простой причине — у меня ее либо не было, либо я ее подсознательно избегал. Подозреваю, что так поступает большинство. Подозреваю, что большинство не попадает в запредельные ситуации. Подозреваю, что запредельные ситуации слишком редки, чтобы к ним готовиться.

Сдается мне, именно поэтому стада африканских антилоп не трогаются с места, когда

близлежащие львы препарируют сотоварища. Ведь опасности больше нет. Пока лев сыт, антилопе ничто не угрожает.

Ни-что.

Но рано или поздно придется срывать с места. Набирать полную грудную клетку кислороду, мчаться в липком ледяном ужасе, звеня копытами и взметая тучи жгучей смертельной пыли.

Тяжелые львицы, зоркие стервятники, смеющиеся гиены...

Всё против тебя.

Человек, бывает, умирает и своей смертью. В отличие от антилопы, для которой это музейная редкость. Он может даже планировать жизнь, и иногда — когда Бог непостижимо то ли приглядывается, то ли, наоборот, отворачивается — планы осуществляются. Ты плывешь по предсказуемой жизни на устойчивой лодке, и тебе кажется (эфемерно и незаслуженно), что ты — капитан.

«Титаники» всегда выглядят непотопляемыми. У них такая роль. Внушительная и обманчивая.

Да что там корабли!

Ведь за пять секунд до падения и авиалайнер великолепно смотрится.

А за минуту до лобового столкновения стритрейсеру кажется, что он управляет всей звездной Вселенной.

За час до мировой войны женщины с удовольствием беременеют.

И за день до конца света никто не подозревает, что жизнь уже навсегда и бесповоротно изменилась...

Смотреть в зеркало опасно, ибо иногда там можно увидеть себя.

Либо не увидеть никого, потому что против физики не попрешь.

Пришел стрелять — стреляй, а не говори.

Иначе добро победит добро.

А зла никто не узнает...

1

Тридцать восемь лет, девяносто пять килограммов, метр восемьдесят пять от пяток до макушки, два высших образования, пять собственных компаний, две — почти собственные, а также дремучее незнание того, где находится печень. Это краткий портрет условно положительного героя по прозвищу Гиря, а по паспорту Гиреева Владимира Геннадиевича. Все остальное особо не имеет значения, поскольку даже средненькая фантазия легко дорисовывает, что он ест, где он живет и на чем он ездит. А вот то, что у него имеется красавица жена и бойкий шестилетний сынок, — это для сюжета важно.

Большую часть времени глаза у Влада улыбаются, как у всех представителей семейства кошачьих. Жестко, лукаво, пронзающе. Мир перед ним стелется, как дорога торная. По центру подметенная тысячами колес, по краям вся в снежных обочинах. Весна скоро. По календарю, впрочем, уже весна, да природа календарей не читает. Несется слева двойная сплошная полоса, льется неумолимо. Влад пересечет ее, не задумываясь, если понадобится.

Блестящие карие глаза улыбаются, глубокие, бездонные, неумолимые. Злая, всепроникающая веселость в каждой клеточке тела. Ему бы самому за рулем, да горяч больно, потому и сидит на заднем сиденье справа, думает.

Запел, заверещал сотовый с музыкой от Гали-секретарши. Двадцать пять лет, пятьдесят пять килограммов, метр шестьдесят, одно неоконченное высшее, феноменальная память, на зарплату не жалуется.

— Да, Галчонок? — Влад поправил на ухе сбившуюся блютус-гарнитуру.

— Владимир Геннадиевич, Глеб Николаевич на линии. Будете говорить?

— Давай! — рявкнул Влад, самую малость помедлив.

Улыбка на полсекунды превратилась в смех и тут же затаилась.

— Да, Глеб!

— Сука ты, Влад... Я думал, ты друг! Ну, пусть не друг — пусть знакомый хороший... был. А теперь что?

— А что теперь! В бизнесе друзей нет. Партнеры есть. Ты где?

— У себя в кабинете. Ах, извини! — усмехнулся Глеб. — У тебя в кабинете. Он же теперь твой.

— И что делаешь? Только честно!

На том конце разбили что-то стеклянное и ответили:

— Я вот что делаю, Влад... Я думаю.

— Давно? Полгода тупил, а теперь думаешь?

— Я думаю — то ли тебя убить, то ли себя... — перебил его Глеб.

Везучий, бесшабашный Влад! Дорога перед ним стелется. Полоса двойная сплошная, запретная. Пересекать никому нельзя... Но ему можно.

— Ха! — улыбнулся Влад. — А давай вместе решим? Примешь? Мне минут пятнадцать езды...

— Не боишься? — поинтересовался Глеб.

— Я... — бесшабашно мотнул головой Влад, — я больше боюсь, что ты в это поверишь! Ладно, хватит эфир засирать... Пятнадцать, максимум... Серега! — весело крикнул он водителю. — За какое время до «Озона» домчимся?

Сергей на секунду задумался... Тридцать лет, из них двадцать пять за рулем, сто три килограмма, метр восемьдесят девять, средне-специальное, поле зрения такое, будто у него глаза на стебельках, как у краба.

— Восемнадцать-двадцать минут, Геннадич...

— Восемнадцать! — закричал Влад. — Восемнадцать!!! — Встречай, Глебушка! Отбой!

Сергей глянул в зеркало заднего вида, поймал взгляд хозяина и коротко кивнул. Черный «Мицубиси Паджеро» стремительно, но плавно сбросил скорость, мигнул левым поворотником, чуть качнувшись, в мгновение ока пересек двойную сплошную и с такой же скоростью, с которой только что мчался на запад, рванул на восток. Встречная «Волга»

нервно притормозила и вынужденно пропустила наглеца.

— Хм... — одобрительно прокомментировал маневр Влад и стал с удовольствием вспоминать нюансы хитрой комбинации, в результате которой Глеб получил хрен с солидолом, а Влад — еще одну компанию, на этот раз — софтверную.

Зачем ему нужна была фирма, занимающаяся программным обеспечением для медучреждений, Гиреев понятия не имел. Просто подвернулся случай, и он его, как всегда, не упустил.

Через девятнадцать с половиной минут (все же — пробки) черный джип влетел на стоянку возле офисного здания, потом из машины одним мощным движением выскочил хозяин и, прыгая через ступеньку, взлетел по лестнице. Да что там эти несколько ступенек — на ледяные горы взбирался Влад и от мороженных ушей не замечал! А тут херня бетонная, пьяными строителями сделанная. Какие такие проблемы, Гиря?

В приемной, несколько не раздосадованная проблемами фирмы, секретарша Глеба (двадцать семь лет, семьдесят пять килограммов, метр семьдесят два, высшее, сиськи четвертого размера) бодро заканчивала свои дела и собирала личные вещи в огромную сумку. Попутно она даже прихорашивалась временами освобождающейся рукой.

— На месте? — спросил Влад, рассекая крейсерской грудью воздух.

— Глеб Николаевич занят! — У секретарши был бархатный и профессиональный голос. Такая не будет никогда ничем расстроена, прикинул Гирия. Идеальный работник.

«Оставлю!» — подумал Влад и представился:

— Я — Гиреев. Ваш, так сказать, новый начальник. Так что давайте нам коньяк, кофе и бинт с йодом...

Говоря все это, Влад уже добрался до двери и даже взялся за ручку.

— Зачем? — удивилась ему в спину секретарша.

— Что «зачем»? Кофе? — обернулся Влад.

— Зачем йод?! — улыбнулась девушка и положила палец на кнопку.

— А. Сейчас ваш бывший босс меня будет резать!

Пошутив, Влад повернул дверную ручку и собрался было войти. Однако сзади раздалось уверенное и не терпящее возражений:

— С чего он бывший? Охрана будет через две минуты! Не советую! — отчеканила секретарша и тут же проштамповала один из самых последних и уже наверняка никому не нужных документов.

«Оставлю и увеличу оклад в полтора раза!» — подумал Влад и ворвался в кабинет.

— Глеб! — заорал он, раскинул руки и пошел, как медведь, на генерального директора небольшой фирмы по производству программного обеспечения. Гирия излучал весь до копейки смысл жизни и всю без исключения радость бытия.

Глеб Николаевич сидел прямо на своем столе почти в нормальной виде. Почти, потому что он был без пиджака, зато с бутылкой какой-то алкогольной дряни в руках, и буквально только что начал ее поглощать тягучими бессмысленными глотками. Пьянство никогда еще ни от кого ума не требовало.

— Ну-ну... — отобрал у него Влад бутылку. — Что тут у нас за детский сад? Мартини? Ты что, Глебушка, с баобаба упал? Нормальные директора пьют коньяк с лимоном — это тебе в любом фильме покажут, не надо сюжеты портить, твою мать! — С этими словами Влад поставил бутылку на стол — как печать приложил.

Глеб осклабился, включил внутренний тонус с импульсом (тридцать пять лет, восемьдесят восемь килограммов, сто семьдесят семь сантиметров, одно высшее, одна компания, гений логики, имбецил интуиции), вскочил и кинулся на противника.

Влад от удара уклонился, а вот столкновения избежать не удалось. В результате оба некрасиво свалились на ковер и секунд сорок изображали борьбу. В конце поединка более везучий, а главное — более тяжелый Влад забрался на Глеба с ногами и заржал:

— Класс!!! Вот подраться — вообще не проблема! Может, лучше поговорим?

— Давай! — прохрипел противник, прижатый несправедливой, на его взгляд, массой.

Оба сели на ковер, прислонившись спиной к кожаному дивану. Нетренированный Глеб, за всю жизнь тяжелее компьютера ничего не поднимавший, даже за такое короткое время умудрился запыхаться, после чего сбившийся на сторону галстук вообще сорвал и отбросил в сторону.

— Секретаршу как зовут? — игриво спросил Владимир Геннадиевич.

— Таня, — в перерыве между собачьими вдохами-выдохами ответил Глеб.

— Говорит, охрану вызвала. Ха.

— Ну, значит, уже бегут. Им-то что... есть вызов — есть работа. Бить тебя сейчас будут... — мстительно размечтался оппонент и не сдержал счастливой улыбки.

— А так ты же им скажешь, что ложная тревога? — усмехнулся Влад, играючи толкнув плечом Глеба.

— Сейчас... Как же... Вот когда изуродую — тогда и скажу. У нас с ними договор. Я еще им и премию выпишу. В порядке личной благодарности! — В глазах у потерявшего все директора мерцали огоньки неподдельного удовольствия.

— Не можешь ты им премию выписать — нет у тебя счета! Заблокирован! — напомнил Влад.

— Вот я тебя еще не спрашивал, как я им заплачу! — взвился кострами Глеб.

— Это вообще моя контора теперь!

— Это у проституток контора! А у меня — компания! — заорал хозяин кабинета.

В коридоре послышалось приближающееся «грум-грум-грум» убийственно тяжелых спецназовских ботинок.

— Как думаешь, сколько их? — спросил Влад с самым настоящим, несфабрикованным интересом.

— Двое должны быть точно. По договору. Но может, и больше.

— Хм. Давай тогда быстро — пойдешь ко мне работать?

— Что??? Да я рядом с тобой срать не сяду!!!

— Я тебя срать и не приглашаю! Тоже мне, разбрасыватель удобрений! Вот где сейчас сидишь — там и будешь работать. Чем занимаешься — тем и будешь заниматься. Только я теперь главный. Ну?

«Грум-грум-грум» приблизилось совсем близко, потом дверь резко распахнулась и в помещение ввалились два огромных камуфляжных покемона без лиц, но зато с автоматами. Они были такие огромные, что было непонятно, каким образом они протиснулись в дверь.

— НА ПОЛ!!! — заорали покемоны, потрясая своими железяками.

— Глеб, в долю возьму! — негромко сказал Влад, слегка, самую малость, бледнея.

Логика — вещь нематериальная. Это все знают. Но она весьма полезна, если ею владеть. Поэтому после этих слов Глеб тут же вскочил на ноги и замахал руками, как молодой регулировщик:

— Ложный вызов, мужики!!! Извините!

— Хм...— нехотя опустил оружие один охранник, положил руку на ствол автомата напарника и надавил вниз, надеясь не на сообразительность напарника, а на свою мощь. Потом стянул маску с лица, под которым обнаружилась самая зверская в мире физиономия.

— Да нам по барабану... Ложный так ложный. По прейскуранту. Гы-гы-гы! Маска колючая! — сказал он и стал чесать себе щетину кулаком.

— Так ты бы без маски бегал! — посоветовал ему порозовевший Влад.

— Нельзя,— зевнул покемон с лицом,— эта... начальник сказал — в маске страшнее получается...

— А вот это спорный вопрос...— буркнул Глеб и отправил охрану восвояси. Зевающий во всю пасть сотрудник охранной фирмы без маски представлял собой душераздирающее и натуралистичное зрелище.

Бравые покемоны, путаясь в амуниции, выкарабкались из кабинета и, издавая «грум-грум» вперемешку с «гы-гы-гы», исчезли.

— В какую долю? Ты у меня все отнял! У меня нет никакой доли! — вдруг вспомнил и тут же резко начал орать Глеб.

— А не хрен было кредиты брать где попало, а самое главное — подо что попало! — возразил Влад и стал подниматься, отряхивая колени.

— У меня выхода не было! — махнул рукой Глеб.

— А теперь, значит, есть? — съехидничал Влад.

Глеб посмотрел на него, хмыкнул и крикнул вбок:

— Таня!

Практически в то же мгновение вошла секретарша с подносыком. На нем стояла двухсотграммовая бутылочка коньяка, две пузатые рюмки и тарелочка с нарезанным лимоном.

Два начальника переглянулись, но при этом Влад подумал: «А то и два оклада», в то время как Глеб: «А то и в Таиланд...» Видимо, мысли получились слишком громкими, отчего оба кашлянули и потеряли ладони.

— Йод уже не нужен? — в меру ехидно, но абсолютно вежливо спросила Танечка.

— Э-э-э...— хором сказали два борца-любителя.

— Ясно,— ответила секретарша и вышла. На пороге она оглянулась и добавила: — Кофе будет через десять минут.

— А-а-а...— синхронно пожали плечами начальники.

В кабинете, если не считать дивана, было, по сути, два места — большое кресло Глеба и поменьше кресло для посетителя. У стены стояли еще какие-то стулья, но они были неудобные даже на вид. Влад сел в кресло для гостя сразу, чтобы не мучить собеседника субординацией, очень выразительно выругался и показал Глебу полуоторванный воротник рубашки:

— Ну что, доволен?

Хозяин офиса демонстративно свинтил металлическую пробку с бутылки, разлил по рюмкам жгучую жидкость, взял свою, демонстративно чокнулся — даже не с Владом, а с его емкостью, выпил залпом, кинул в рот ломтик лимона и нагло заявил:

— Да! Платить мне будешь восемьдесят! В месяц!

Влад, пригубивший в это время коньяк, поперхнулся и спросил:

— Ты сам-то себе когда восемьдесят платил последний раз? Документы показать? И вообще — кончай себя вести как дома! Ты на работе. Я, кстати, тоже. Так что не бузи — выпил рюмку, и хватит! Я из-за тебя бассейн, скотина, пропустил! У меня еще минут пятнадцать времени. Давай-ка вкратце набросаю схему, как работать будем. Бумагу дай и ручку... Не, вон фломастер лежит красный, давай его сюда! Вот тут, значит...— Влад нарисовал два кружка, но тут запел его сотовый и он хлопнул себя по правому уху.— Где клипса?

— Какая клипса? — нагло поинтересовался Глеб.

— Блютус, мать его, гарнитура... Рубаху порвал, блютус потерял!!! А, черт, потом найдем! — Влад достал из кармана телефон и, увидев номер жены, нажал кнопку.— Да, маленькая! — весело бросил он в трубку.

— Володя! — сквозь рыдания кричала Наталья.— У нас Колю украли!!!

С этого момента в тексте появляется самый что ни на есть отрицательный герой. Его еще нет, так сказать, в кадре, он всего лишь подразумевается, но уже никуда не денется до самого конца. Его зовут Найденов Петр Алексеевич, ему сорок лет, он весит восемьдесят два килограмма, у него рост метр восемьдесят, высшее образование, несокрушимое здоровье и странное, невиданное для России занятие — рантье.